

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1898. – Кн. 12. – С. 109-147.
2. Буланов А.М. Рациональное и сердечное в теории познания и в эстетике славянофилов // Славянофильство и современность: Сборник статей. – СПб., 1994. – С. 77-92.
3. Григорьев А. Народность и литература // Григорьев. Эстетика и критика. – М., 1980. – С. 169-199.
4. Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 439.
5. Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки истории русской историософии. – М., ОГИ. 2007 (Нация и культура // Новые исследования: История). – С. 41-56.
6. Романов О.А. Славянофильство в контексте поисков путей цивилизационного развития России // Иван Киреевский: духовный путь в русской мысли XIX – XXI веков (К 200-летию со дня рождения): Сборник научных статей. – М.: Изд. Российской государственной библиотеки, 2007. – С. 137-155.
7. Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Сочинения: В 2-х т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 456-470.
8. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского // Хомяков А.С. Полн. Собр. соч. Изд. 2. – М., 1900. – Т. 1. – С. 197-262.

УДК 82. 31

Кузина А.Н.

Московский государственный университет технологий и управления

ИДЕИ ПОЧВЕННИКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Г. РАСПУТИНА

A. Kuzina

Moscow State University of Technology and Management

IDEAS OF NATIONALISTS IN WORKS BY V.G. RASPUTIN

Аннотация. В статье исследуются традиции почвенников – А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Ф.М. Достоевского – в творчестве В.Г. Распутина. В основе почвенничества лежит «органическая теория». Ее основные идеи о иерархии мира, о расширении научного познания за счет художественного, о почве как духовной реальности, об «общечеловеческой природе» русского характера нашли продолжение в творчестве современного художника. Автор сосредоточил свое внимание на таких категориях, как почва, община, национальная отзывчивость, национальный характер, актуальных для творчества В.Г. Распутина.

Ключевые слова: В.Г. Распутин, традиции, идеи почвенничества, национальный характер.

Abstract. The author of the article researches the ideas of nationalists expressed by A. Grigoryev, N. Strakhov, and F. Dostoevsky in the art works by V. Rasputin. The nationalist's movement is based on the "organic theory". Its main ideas of world's hierarchy, broadening of scientific knowledge at the expense of artistic knowledge, the ground being both physical and spiritual reality at the same time and the "universal nature" of the Russian character found their continuation in the art works of the modern artist. The author focuses on such categories as ground, community, national sympathy, spirituality and a national character that are pressing for Rasputin's art works.

Key words: V. Rasputin, traditions, nationalist's ideas, national character.

Почвенничество как направление в литературе и общественной мысли сложилось в России в 1850–1860-х годах. А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, Н.И. Соловьев, П.П. Сокальский являлись главными идеологами почвенничества. Основные положения «органической теории» наиболее четко сформулированы А.А. Григорьевым, Н.Н. Страховым, Ф.М. Достоевским. Значительное место в «органической теории» почвенничества занимает представление о природном, социальном и духовном мире как целостном организме. Н.Н. Страхов подчеркивал: «Части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, пред-

© Кузина А.Н., 2011.

ставляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать – иерархию существ и явлений» [8, с. 7]. Страхов утверждал, что закономерностью живого организма является то, что в нем все взаимообусловлено и гармонично: «Каждая часть и каждое явление определенного организма имеет на себе особый отпечаток, отражают на себе особенность целого» [7, с. 161]. Организм проникнут жизнью, поэтому категория «жизнь» стала одной из важнейших у почвенников. Понятия «организм», «жизнь», «живые силы» они используют для раскрытия реальности. В качестве исходного положения почвенничества выступает «органическая теория». Рассматривая природный, социальный и духовный мир как иерархически упорядоченное, живое целое, почвенники утверждают не только его познавательную неисчерпаемость, но и невозможность точного отражения его глубин традиционными экспериментальными и логическими средствами: «Один голый ум есть сила формальная, холодная, и во многих областях истина ему недоступна; самое важное в мире, красота и внутренняя сила вещей, открывается не уму, только сердцу» [9, с. 2]. Почвенники предлагали преодолеть разрыв между отвлеченной теорией и постоянно меняющейся жизнью таким образом, чтобы само познание стало органичным. Путь достижения органичности познания – дополнение научного исследования художественным, образным. Так, А. Григорьев считал, что язык понятий должен быть дополнен языком символов, художественных образов и интуиций, которые многозначны и противоречивы. Но именно они способны уловить органику бытия.

Ключевым суждением течения стало понятие «почва». Оно точно отражает его суть, ибо обладает многозначностью, которая позволяет представить «органический взгляд» на социально-экономическую и политическую жизнь России. «Органическая теория», по убеждению ее сторонников, призвана выразить исконно русский, «почвенный» взгляд на мир. Для Ф.М. Достоевского почва – это одновременно и физическая, и духовная реальность, выступающая как целое природно-

космической и социальной жизни. Так, автор «Идиота» утверждал, что, подобно всем великим идеям, идея почвы существовала вечно: «<...>она собственно никогда и не начиналась, а всегда преемственно продолжалась в здоровой и постоянно протестовавшей против космополитизма части нашего общества...» [1, с. 2]. «Почва» – это то, что предопределяет само содержание культуры.

Близки к такому пониманию и другие почвенники. В своих представлениях об «органическом развитии» и «корневых началах» народной жизни они выступали в роли защитников, «хранителей» общества традиционного типа, пытались его возродить. «Почва» наполняет культуру такими, по словам А. Григорьева, «растительными явлениями», как язык, обычаи и нравы, песни, сказки, вкусы, формы быта; она определяет хозяйственную и политическую жизнь, само отношение народа к себе и к миру вокруг него. По мнению участников направления, «святорусская почва», выраженная идеей общего права на землю, или объединением всех сословий перед лицом общего врага, или земским собором, должна быть всячески поддерживаема и укрепляема. Именно «почва» как совокупность сакральных основ народного бытия способна обеспечить самобытность развития нации, и потому она нуждается не в критике, а в любящем «возделывании». Именно почва в состоянии сохранить народ и его культуру, что может «послужить на пользу человечеству». Н.Н. Страхов выделил в «почве», в качестве ведущего элемента «народный дух» – «ту таинственную силу, от которой в глубочайшем корне зависят проявления человеческих душ». «Люди ведь напрасно думают, что они сами строят свою жизнь, – писал он далее, – в самых важных случаях ими движут силы, ускользающие от сознания и доступные для нашего познания лишь отчасти» [7, с. 2, 8].

Таким образом, «почва» понимается А. Григорьевым, Ф. Достоевским, Н. Страховым как своеобразная основа культурно-национальной традиции. «Почва» – это уникальное единство физической, природно-географической и духовной реальности, внутренний

стержень социальной и культурной жизни народов. Будучи непостижимой, с помощью одной только «теории», «почва» заключает в себе архетипы народного сознания и подсознания, познание которых осуществляется через совокупность науки и художественности, образности. «Почва» наиболее полно находит свое выражение в мифологии, архаическом эпосе, в религии, языке, обычаях, нравах и быте. Выступая как сакральное ядро исторического бытия, она обеспечивает самобытность развития общества. Истинными носителями такой самобытности, по мнению почвенников, являлось все российской общество до реформ Петра I, а затем – крестьянство и купечество.

Основой национальной почвы, ее социальной организационной составляющей в России в течение многих веков была община, которая строила свою жизнь, руководствуясь древними обычаями, нравственными законами и коллективной совестью. Для общины характерна «органическая демократия»: она самоуправлялась на сходе, сборе, вече, что обеспечивало единство всем слоям русского общества, это была охранительная сила государства.

Почвенники немаловажное значение отводили перспективе слияния образованных сословий с народной почвой. Достоевский называл такое слияние «огромным переворотом», сравнивал его с реформой Петра I: «Этот переворот есть слияние образованности и ее представителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам нашей текущей жизни, народа» [2, т. 18, с. 35].

Почвенники подчеркивали «общечеловеческую природу» русского национального характера, его противоположность западному, индивидуалистическому. Эта идея получила развитие у Ф.М. Достоевского. Он полагал, что в русском народе «по преимуществу выступает особенность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности, угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается» [2, т. 18, с. 55].

Почвенники считали, что в российском обществе тоже присутствует «органичность», которая проявляется в отсутствии противоречий между сословиями. Они, если и были, сглаживались духовной общностью, церковным и земским единством, – тем, что в итоге проявилось как национальная особенность характера.

Таким образом, национальным характером представители почвенничества считали то же, что сегодня обозначают понятием менталитет нации, то есть устойчивые черты национальной психологии, которые проявляются в общественной жизни, в социальном поведении, культурной деятельности основных сословий и классов. Национальный характер определяется «почвой» и складывается в ходе исторической жизни народа. Отличительной чертой русского национального характера почвенники считали преобладание духовных ценностей над материальными. Эта черта стирала сословные различия и обеспечивала национальное единство; она определяла такую особенность, как «всемирность» русской души. По мнению почвенников, русский национальный характер дает основания для установления подлинной социальной гармонии. Они были уверены, что именно «почва» рождает нацию, определяет развитие ее духовных традиций, которые формируют национальную психологию, особенности национального характера и деятельности. Идея преемственности, «связи времен» в историческом бытии народа – одна из важнейших в теории почвенничества, она обуславливала «охранительный» характер их теории, что исключало любые формы насильственных изменений народного бытия, предусматривая возможность постепенных преобразований.

Традиции и трансформации идей почвеннического общественного и литературного направления ощутимы на протяжении всего XX века.

К почвенникам второй половины XX века принято относить писателей-«деревенщиков» М. Алексеева, Ф. Абрамова, В. Астафьева, Е. Носова, В. Шукшина, В. Личутина, В. Крупина, В. Белова и поэтов: А. Твардовско-

го, А. Прокофьева, Н. Рубцова, А. Прасолова, А. Передреева, Ю. Кузнецова.

В.Г. Распутин не однажды заявлял о своей приверженности «почвенничеству». Многие идеи почвенников XIX века близки ему. В художественном творчестве и публицистике автор «Прощания с Матёрой» исследовал общинное мировоззрение на протяжении XX столетия. В частности, говоря о сохранении и развитии традиций общинного бытия, он находил следы его бытования в колхозной жизни 1940-х – 1950-х годов, отмечая преемственный характер органических процессов народной жизни. В статье «Мой манифест» писатель отмечал крепость основной хозяйственной единицы-общины: «Прежняя коммуна, дитя Октября, легла на традиционную почву и, в конце концов, срослась с нею. Расчет был на то, что коммуна задавит общину<...>, а она просела в нее и стала заваливаться с боков нижней почвой» [6, с. 41].

Для Распутина понятия «почвенники» и «деревенщики» синонимичны, а то и тождественны. Он писал, что «главной нотой почвенников» XX века было ощущение тяжелых и неисправимых перемен, происходящих с русской древней. Старую деревню цивилизация разрушила, новую Россия «не подготовила». Для писателя «подготовить» означает «воспитать среду, способную воспринять из великого духовного и нравственного богатства тысячелетней народной жизни то, что отставке и перемене не подлежит» [4, с. 4]. «Деревенская» литература указала на эти ценности, но с горечью отмечала, что восприимчив не горюпится за ними. Её плач по старой деревне был одновременно и тревогой за судьбу нации. Деревня для писателя – прежде всего земля: «Кровная связь с землей, – пишет он, – это характер, вера, язык, укоренённость в отеческое поле, пребывание в отеческом царстве с тысячелетним сводом, образ мысли и жизни» [4, с. 4-5]. Для определения роли деревни художник прибежал к традиционной метафоре: «деревня искони была корневой, питающей системой государственного древа» [4, с. 5]. В крестьянской жизни Распутин видел великие физические, нравственные и духовные запа-

сы. Именно здесь существовали органические формы народного бытия. В рассуждении писателя о крестьянском бытовании понятие организма являлось основным, что сближает его с мыслителями почвеннического направления: «Народный организм развивался здесь естественно, традиции выкладывались веками, пахарь неспроста облекся именем христианина» [4, с. 5]. Представление о народе как организме подчеркивало его жизнеспособность и творческий потенциал. Распутин вслед за предшественниками сознавал охранительную функцию деревни: «Город разматывал, вел противоестественную жизнь, поддавался чужестранным сеяниям и веяниям; деревня хранила, пополняла, выправляла и вымаливала». И творческие, духовные силы долго таились в русской деревне: «Да и великая русская литература <...> вышла не из Пушкина или Гоголя, а вышла она из деревни – из Михайловского и Болдина, из Тархан и Званки, из Ясной Поляны и Спасского-Лутвинова...» [4, с. 5].

В.Г. Распутин с болью писал в 1990-е годы о разрушении деревни, о пустующих пространствах на месте деревень, полей, пастбищ. Он отдавал себе отчет в том, что возвращение прежнего невозможно, но восстановление деревни как духовного основания русской жизни выдвигал как насущную необходимость: «Деревня – не одно лишь приложение рук, но и приложение души, духовное укрепление, вливание в историческую плоть народа, самообретение и возвращение в родной дом» [4, с. 5]. Веками в России «силой, предержавшей ее основы, была деревня. Целительно-оздоровительные силы в ней остались, к ним надо лишь обратиться» [4, с. 5]. И тогда «фигура России» обретет прочность, а прочной она может быть «лишь на том основании, который подведен под нее исторической судьбой» [4, с. 5], – заключал свои раздумья писатель.

Размышления В.Г. Распутина о земле близки воззрениям Ф.М. Достоевского, писавшего: «Если в стране владение землей серьезное, то и все в этой земле будет серьезным <...>. Нравственность, устойчивость в обществе

спокойствие и возмужалость земли и порядка в государстве зависят от степени и успехов землевладения. Если землевладение и хозяйство слабо, раскидисто, беспорядочно, – то нет ни государства, ни гражданственности, ни нравственности, ни любви в Боге» [2, т. 13, с. 291]. В.Г. Распутин размышлял о земле как о доме в общенародном и общегосударственном масштабе: «Воистину, это основа, альфа и омега любого государства. На земле, на отношении к земле стоит все – и материальное благополучие, и дух, и нравственность, и настроение народа <...> Остался безземельным крестьянин – осталась без хозяина земля – осталось бездомным общество» [3, с. 3-4].

Понятие «почва» для Распутина совмещает несколько значений, близких предшественникам: «Роль крестьянской среды заключается <...> в сохранении тех ценностей, которые были прежде. Имеется в виду почва – нравственная и духовная. И черпается она из самой земли, в ней сила-то» [5, с. 3]. Для Распутина слова «крестьянин» и «христианин» – одного корня: «Само название крестьянин шло от «христианина». Настолько человек, работающий на земле, был в вере, настолько святым было его отношение к ниве хлебобобовой» [3, с. 3-4]. Писатель сожалеет об утрате исконного понятия и названия крестьянина-труженика – мужик. «А кто такой мужик? – спрашивал он. – Это осторожный, основательный, работающий, мудрый, непостижимо выносливый, нравственно крепкий и суровый, православно милосердный россиянин, на горбу которого столетиями держалась и процветала материальная Россия» [3, с. 5]. Таким, убежден писатель, его формировал труд на земле: «Сам характер земледельческого труда предполагает нравственность – когда человек работает на земле, когда хозяин. Сама природа нравственна, и человек, который с ними связан, должен быть добрее и честнее. Былинный источник силы от матери родной земли, это ведь исток» [3, с. 10]. Земля для писателя – источник материальных ценностей, нравственных и духовных. Такое сакральное видение почвы сближает Распутина с мыслителями XIX века. Распутин близок

своим предтечам и отношением к общине. Писатель оценивал общину как «целый мир общения с землей, пользования землей, мир отношений между людьми» [3, с. 7]. Распутин видел здоровое начало в многоустройстве России, которое сохранило бы деревенский уклад как основу национального бытия. Ведь и национальное лицо человека сберегается, прежде всего, в деревне: «Но человек национально лучше помнит себя, конечно, в деревне. Там долго хранятся национальные традиции, обычаи» [3, с. 7].

Распутин не принимал стремлений «некоторых «интернационалистов» создать человека мирового лица». Он уверен в наличии внутренней силы каждого этноса, «которая умеет постоять за себя», а интернациональное должно быть подчинено национальному: «Уважение народов друг к другу имеет своей предтечей самоуважение, то есть накопление и развитие в себе качеств, достойных уважения со стороны других» [3, с. 7]. Идея почвенников XIX века о всемирной отзывчивости русского народа нашла продолжение в интуициях современного художника: «Когда мы говорим русские, то зачастую имеем в виду духовную, а не родовую сущность. Впору говорить российские, поскольку с живущими в России народами мы настолько сжились, что неотделимы друг от друга. <...> Вся Россия – община народов. Национальность у нас становится духовным, а не расовым понятием» [3, с. 12]. В.Г. Распутин, как нам кажется, близок идеям и представлениям А.С. Хомякова. Главным в эстетической системе А.С. Хомякова было утверждение народности искусства – отображения в художественном творчестве глубинных основ народной жизни и общенародных идеалов.

Как нам кажется, между почвенниками XIX века и XX века существует та лишь разница, что почвенники XIX века говорили о всемирности русского человека, опираясь на опыт исторических событий, свершившихся до и во время их пребывания на земле, а В.Г. Распутин имеет в виду практику дореволюционной и постреволюционной России: «Русский человек так устроен, что ему обязательно

нужно кого-то опекать, о ком-то заботиться. Это одна из сторон той самой всемирной отзывчивости, о которой говорил Достоевский. Традиционно русский не может быть узким, твердолобым интернационалистом – просто по своему характеру не может. И потому малые народности в старой России чувствовали себя совсем неплохо, Хотя и после Октября им грех жаловаться на старшего брата» [3, с. 15]. К сожалению, многие народности нашли поводы для обид и разделений, хотя и не выиграли от чаемой и достигнутой ими автономии и тем более в итоге отделения от России.

Распутин часто подчеркивал, что его проза – слепок с натуры общенародного бытия. Ему удалось показать глубинные пласты народной психологии, идеалы крестьянства, его верования, достоинства и недостатки. Таким образом, земля, почва для Распутина понятия, включающие в себя и конкретно-историческое содержание, и духовное. Это то, что отменить нельзя – основа национального бытия, источник силы, его «оздоровительное» начало. Голос писателя становится всё более трагическим и всё менее слышимым в потоке непрерывных инноваций, но ни первое, ни

второе (ни трагическая пронзительность произведений писателя, ни заглушающая трагедию нашей культуры «демократическая» какофония новизны) – ничто не перечеркивает истинности «почвеннических» идей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Достоевский Ф.М. Несколько слов о М.М. Достоевском // Эпоха. – 1864. – № 6. – С. 1-6.
2. Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Достоевский Ф. – М.: Полн. Собр. соч. Л., Наука. 1978. – Т. 18. – 450 с.
3. Распутин В.Г. Возвращение России // Сибирь. 1991. – № 1. – С. 3-15.
4. Распутин В.Г. Где моя деревня? // – М., 1995. – № 2. – С. 2-12.
5. Распутин В.Г. Если дело дошло до края // Литературная газета. – 2004. – № 35. – С. 3.
6. Распутин В. Г. Мой манифест // Аврора. – 1997. – № 3-4. – С. 26-44.
7. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – СПб., 1882. – 362 с.
8. Страхов Н.Н. Мир как целое. – СПб., 1892. – 322 с.
9. Страхов Н. Н. Предисловие // Сочинения Аполлона Григорьева. – СПб., 1876. – Т. 1. – 672 с.